

Это напоминает мне, как забавно он описывал мистеру Лангтону несчастное состояние одного молодого джентльмена из хорошей семьи: «Сэр, когда я в последний раз слышал о нем, он носился по городу, упражняясь в стрельбе по котам». А затем мысли его вполне натуральным образом отвлеклись, и, вспомнив о своем любимом коте, он сказал: «Впрочем, Ходжа не пристрелят, нет-нет, Ходжа никогда не пристрелят».

*Джеймс Босуэлл.
«Жизнь Сэмюэля Джонсона»*

ПЕТРО

Я был сложным ребенком — я начал приносить родителям неприятности задолго до своего рождения. Когда моей будущей маме было двенадцать — а мне, стало быть, минус двенадцать, — беззубая цыганка на ярмарке сказала ей: «Твой первый сын будет уродом». Мама была молода и суеверна — она поверила в пророчество. Вернувшись домой, она заявила, что ни за что не родит на свет чудовище.

— Но как же так? — удивлялась ее мама, моя будущая бабушка. — Ты хочешь быть бездетной?

— Нет, — сказала моя мама. — Я сначала рожу второго ребенка, а потом резко перестану рожать.

Эта фраза стала семейным анекдотом, ее рассказывали всем гостям во время праздничных застолий.

Но шутки шутками, а мать моя никогда не давала пустых обещаний: зазор между словом и делом у нее тоньше лезвия бритвы.

Когда я родился, вся родня склонилась над моей колыбелью.

— Так-так, — сказал отец, — значит, получилось.

Мой отец — математик. Он не верил в мистику, беззубых цыганок и прочую абракадабру. Если бы ему сообщили, что он будет жить вечно, он из принципа тут же пустил бы себе пулю в лоб — просто чтоб доказать несостоятельность подобного заявления.

И все же — однажды он признался мне, что влюбился в мою маму задолго до того, как встретил ее.

— Мне рассказали, что на журфаке учится барышня, которая собирается рожать детей в обратном порядке. Я был покорен. Заочно.

История их знакомства — загадка. Они прекрасно помнят тот день — проблема в том, что они помнят его по-разному. Или, точнее, помнят разные дни.

>>>

Мама училась на последнем курсе журфака и проходила практику в коммунистической газете «Красный взгляд». Газета бестолковая и тоскливая, как полное собрание сочинений Ленина, — даже сотрудники редакции потешались над изданием и между собой называли его «Конъюнктивит» (символом «Красного взгляда» был огромный красный глаз). Обязанностей у мамы было немного, и все они сводились скорее к редакции, чем к журналистике. Шел восемьдесят пятый год, 23 апреля, тот самый день — начало перестройки. И так уж вышло, что главный репортер газеты именно в тот день поскользнулся на льду и сломал обе руки («Постой-ка, а как он нашел лед весной? 23 апреля же!» — «Не перебивай! Откуда я знаю? Мне сказали, что поскользнулся на льду». — «По-моему, это странно. Это имеет смысл, только если он на катке был». — «Слушай, помолчи, а?»), и главный редактор вызвал маму к себе в кабинет. Ее задача, сказал он, сидя в огромном красном кресле под портретами-профилями Маркса — Энгельса — Ленина, взять интервью у молодого, но уже очень известного в узких кругах математика, Павла Портного.

— Он будет ждать вас в библиотеке МГУ. Ровно в двенадцать.

Она опоздала на сорок пять минут («Типичная Нина». — «Ой, заткнись»).

И все же маме повезло — в тот день она нашла его. В столовой. Он сидел на подоконнике и, держа между колен разрезанный напополам арбуз, огромной ложкой ковырял хрустящую, красную сердцевину. Худой неухоженный очкарик.

«Явный перебор с бровями», — подметила она.

«Неправда! Не было никакого арбуза! Я читал книгу! Сител на подоконнике и читал книгу! Откуда

вообще взялась эта чепуха про арбуз?» — «Тьфу! То тебе лед не нравится, то арбуз!»)

В тот день моя мать встретила моего отца. Проблема в том, что он встретил ее гораздо раньше.

Они ходили в один и тот же бассейн, при университете. Он плавал на сто метров, она — на четыреста. Он не блистал успехами, да и вообще боялся воды, но все равно каждый вторник натягивал унижительные узкие плавки, надеясь, что когда-нибудь все же наберется смелости и пригласит красотку в кино.

И вдруг она сама нашла его. Он ел арбуз («Не было арбуза! Не было! Я читал книгу!» — «Да? И какую же?» — «Обезьяну и сущность» Хаксли») и был так смущен, что боялся смотреть на нее. Но когда она сказала, зачем пришла, он успокоился — числа делали его бесстрашным.

«Человек-калькулятор, — отзывались о нем коллеги. — Не мозг, а микросхема».

>>>

Моя мать приехала в Москву из далекой провинции — за признанием. Она хотела посвятить свою жизнь чему-то важному и, окончив школу, подала документы в МГУ на факультет журналистики, но за пять лет, тысячу двести сорок часов лекций, тысячу шестьсот сорок часов семинаров и сто два часа практики поняла лишь одно — что ненавидит журналистику и журналистов. И все же эта страсть — служить великой цели — всегда жила в ней и искала выхода. Так Павел Портной, человек-калькулятор, стал ее проектом. У нее появилась цель: посвятить жизнь гению, как Алисия Нэш, Альма Хичкок или Мерседес Гарсиа Маркес. Быть опорой для большого ума, о верности которой через много лет биографы будут с восхищением писать в своих книгах: «Это все благодаря ей!» Она уже видела, как в старости будет гулять по университетским аллеям, и люди будут оборачиваться и шептаться: «Ой, это же жена лауреата премии Филдса, помните ту его трогательную речь? Это он о ней говорил».

Да, именно в таком ракурсе она видела их совместное будущее — и именно над ним собиралась работать. Но — время шло, и оказалось, что не так-то просто заставить гения быть гениальным. Отец так и не выбился в ряды больших ученых — у него не брали интервью (на самом деле, то, самое первое, их совместное интервью — было последним), с его лица не делали слепки для производства бронзовых бюстов. Его пивной живот рос быстрее, чем репутация. А его легкий эстонский акцент — он плохо выговаривал букву «д»: ротина, терево, тверь — с годами все сильнее раздражал ее.

«Он одарен, да, но не талантлив. Это разные вещи. Его статьи в научных журналах так же скучны, как его рубашки и шутки. Да, он почти доказал гипотезу Римана. В этом весь он — одно сплошное «почти», — жаловалась она подругам. Со временем она стала испытывать к нему что-то вроде нетерпеливого раздражения — сродни тому чувству, которое капризный ребенок испытывает к машинке, у которой не крутятся колеса. А гипотеза Римана так и осталась недоказанной.

«Ну чего ты от меня хочешь? — спрашивал он, разводя руками (отчего становился похож на огородное пугало, думала она). — Я живу честно, я телаю свое тело. Чем я провинился?»

«Ну коне-е-ечно! Ты ни в чем не виноват! Это я, это все я! Чего я хочу? Я хочу большего, понял? Сделай одолжение — убери ноль из знаменателя. Такой ум — а дураку достался».

Большой ум должен ослеплять, а не тускло поблескивать в ночи, как бутылочное горлышко в свете луны. Так думала моя мать. И в их любовном треугольнике — он, она и ее амбиции — он оказался третьим лишним.

Красавица и калькулятор.

И каждый вечер, стоя на балконе, завернувшись в плед, докуривая сигарету, бросая бычок в темноту, она говорила себе: «Сама виновата».

>>>

Мое рождение немного изменило схему их отношений. Мать перестала злиться на отца — и раздражение сменилось равнодушием. Женой гения она так и не стала и теперь хотела быть матерью гения. Амбиции ее всегда опережали время — и логику. Уже в четыре года меня отдали в музыкальную школу — по классу фортепиано.

«Ты будешь новым Шопеном», — шептала она, укладывая меня спать.

Но через два года клавишных пыток выяснилось, что особых музыкальных данных у меня нет — и все, на что я способен, это читать партитуры, запоминать последовательность нот, но не играть их.

Тогда мама отвела меня в секцию плавания. «Ты будешь олимпийским чемпионом». На третий день я чуть не утонул в бассейне.

К десяти годам я числился во всех возможных школах, кружках и секциях — включая кружок оригами и школу дрессировщиков перуанских альпак при цирковом училище¹. И везде я был не к месту — как римский сестерций в горсти советских рублей.

Мама отчаянно искала во мне зерно величия — и при этом очень боялась, что я буду похож на отца. А я — уже в одиннадцать лет я мог по памяти воспроизвести число «пи» до пятисотого знака после запятой, ни разу не запнувшись. Отец знал об этом и, конечно, мной гордился, но мы скрывали мой талант от мамы — к тому времени математика в ее глазах была сродни неизлечимой хвори. Она потерпела фиаско с отцом и очень боялась, что я повторю его судьбу. А я — при ней я делал вид, что ни черта не понимаю в цифрах. И получалось, что я вру сразу им обоим: маме — о том, что не похож на отца, а отцу — о том, что хочу быть похож на него.

---

¹ Ладно, шучу, не было такой школы; но если бы была, меня бы и туда записали.

>>>

Они всегда ругались, если речь заходила о моем будущем.

— Может, лучше спросим у него, чего он хочет? — сказал однажды отец, когда я вернулся с кружка авиа-моделирования, облепленный пластиковыми деталями самолета «Ил-2, штурмовик». Мама выковыривала куски фюзеляжа у меня из волос, а отец обрабатывал растворителем пальцы, к которым были намертво приклеены бомбы и закрылки.

— Он ребенок! — сказала мама. — Он не знает, чего хочет. — Она выдернула кусок «Ил-2, штурмовика» вместе с клоком волос.

— Ай! Бо-о-ольно! — закричал я.

— Терпи, — сказала она. — Как ты вообще умудрился? Ей-богу, не ребенок — а беда какая-то! Ну скажи мне, как можно было приклеить к ушам куски пластмассы?

— Это не я! Это ребята! Они спросили, хочу ли я быть супергероем. Я сказал «да». А они сказали, что я теперь — человек-самолет.

Мама не оценила шутку.

— И все-таки, может, не стоит отправлять его на все возможные секции от-тн-овременно? — не унимался отец.

Он отдирали закрылки от моих пальцев и бросал их в эмалированную кастрюлю с теплой водой, стоявшую рядом.

— Ребенок должен всесторонне развиваться, — сказала мама. — Ты у нас умник, но почему-то ничего никогда не знаешь. Прочитай любую книгу по детской психологии. Детский мозг как губка: он впитывает информацию в семь — слышишь, в семь! — раз интенсивнее, чем мозг взрослого дурака.

— И что с того? — спросил отец. — Это вовсе не значит, что он т-толжен пахать за семерых. Ты ведь помнишь себя в детстве, ты наверняка уже знала в десять лет, что тебе нравится, а что нет.

— Да ничего я не знала ни в «тетстве», ни в «тесять лет»! — Мама всегда издевалась над его произношением, когда они спорили.

Она выдернула у меня из волос деталь «Ил-2, штурмовика».

— Ай! Бо-о-ольно!

— Терпи. Это что такое? — Она показывала мне деталь.

— Это ротор, — сказал я. — На него крепится винт.

— Вот видишь! — сказала мама отцу. — Даже если ему не нравится то, что он делает, возможно, эта информация пригодится ему в будущем. Человек должен быть всесторонне развит. А ты знаешь, что такое ротор? Вот и я думаю, что нет.

Я хотел почесать затылок, но отец схватил меня за руку.

— Кута? У тебя руки в ацетоне.

— Но у меня чешется.

— Чешется у него! Где чешется?

— В затылке.

Мать с отцом стали вместе чесать мне затылок: мама левое полушарие, папа — правое. Мама чесала нежнее.

— Скажи: тебе нравится секция авиамот-тэллирования? — спросил отец.

— Ну, вообще-то... — начал было я, но мама меня перебила:

— Перестань портить ребенка!

— «Портить»? С чего это? Я просто хочу узнать больше о его претпочтениях. Разве тать ребенку то, что он хочет, — это не самое лучшее воспитание?

— Брось! Ты прекрасно знаешь, что воспитание состоит из ограничений. — Мама презрительно посмотрела на него. — Дешевый трюк!

— Какой трюк? Нет никакого трюка!

— Ты пытаешься выставить меня ответственной за все ограничения, а сам эдак исподтишка даешь ему мнимую свободу. Это популизм.

Они стали ругаться, продолжая чесать мой затылок.

— «Популизм»? Нет никакого популизма!

- Перестань делать это!
- Телать что?
- Ты все время повторяешь последнее мое слово.
- Слово?
- Ну вот опять!
- Опять?

Отец улыбался — ему нравилось злить ее.

– Мам, пап! Мне больно! — подал голос я, и они перестали чесать мой затылок.

– Ты предлагаешь дать ребенку свободу, — сказала мама. — Но он же ребенок. Если детям дать свободу, они через час заболеют, объевшись мороженого. А через сутки превратятся в чумазных мартышек.

– Может быть, в этом твоя проблема? — сказал отец. — У тебя комплекс Атланта: тебе кажется, что небо рухнет, если ты не бутешь его тержать. Просто ослабь хватку. Совсем чуть-чуть. Перестань тержать небо.

Повисла тишина. Мои родители смотрели друг на друга, я смотрел на них снизу вверх, сидя на табуретке, все еще облепленный деталями «Ил-2, штурмовика».

– Ты — прямо типичный козерог, — сказала мама презрительно.

Отец закатил глаза: «О господи! Опять».

– Ну, конечно, — вздохнул он, — звезды виноваты.

– Можешь сколько угодно издеваться над астрологией, но все твоё поведение сейчас доказывает, что я права. Ты — упертый, упрямый скептик, как и все козероги.

– То есть, по-твоему, я не верю в астрологию потому, что я козерог?

Мама хотела ответить ему, но не нашлась и повернулась ко мне:

– Петро, сынок, скажи: может быть, ты хочешь записаться в какую-то конкретную секцию?

– Или уйти из какой-нибудь, — добавил отец.

Я испуганно смотрел на них снизу вверх. Это был первый раз в моей жизни, когда родители спросили мое мнение. По спине, вдоль позвоночника, гадко щекоча, прокатилась холодная капля пота. Я видел

глаза отца — я знал: он ждет от меня поддержки его математической линии. Но я не мог — ведь я хотел совсем другого.

— Я хочу быть антропологом, — сказал я.

— Чего-о? — Они переглянулись.

— Простите, — пробормотал я, глядя на свои ладони, облепленные бомбами и закрылками «Ил-2, штурмовика». — Я много думал: я всегда мечтал путешествовать и изучать странные вещи. Я люблю странные вещи. А недавно я узнал, что существует такая профессия — антрополог. И я решил, что буду антропологом.

Родители молча смотрели на меня. Прошло примерно двести семьдесят пять лет, прежде чем они оттаяли и снова заговорили.

Отец виновато чесал затылок — на этот раз свой.

— Тела-а-а, — сказал он.

— Мам, пап! — Я видел, что они не воспринимают меня всерьез, и мне хотелось плакать от обиды. — Я уже даже прочитал одну книгу по антропологии: там человек три месяца жил среди дикарей. Я тоже так хочу. Я хочу в Монголию.

— Почему в Монголию?

Я пожал плечами:

— Потому что там есть дикари.

— О-х-х... — Мама погладила меня по голове. — Поверь, сынок: дикари есть везде. И чаще всего даже там, где ты совсем не ожидаешь их встретить.

>>>

Все эти разговоры угнетали меня — я жил с ощущением, что не справляюсь с тяжестью родительских надежд. Но я был хилым ребенком — и надежды давили все сильнее: и чем бы я ни занимался — я был ниже среднего; как тройка в школьном дневнике: всего лишь «удовлетворительно» и оттого постыдно.

«Завышенные ожидания родителей — одна из главных причин детских комплексов» — это я вычитал в книжке по воспитанию детей. У мамы их полно. И книжек, и ожиданий. Она сама — дочь талантли-